

ПОЛНОЧЬ НА УЛИЦЕ НОЖЕЙ

Автор: Энди Чамберс

Перевод: Dammerrung

Источник: Midnight on the Street of Knives, Andy Chambers, e-book

«Комморра -- город, подобного которому нет во вселенной. Он существует вне времени и

пространства, в непознаваемых глубинах Моря Душ, потустороннем царстве за

пределами нашей реальности, которое, как утверждают всякие полумные гении,

породило все, что нам известно.

Создатели Комморры, или, правильнее, архитекторы,

как они сами бы себя назвали, задумывали этот город не как нечто единое. Скорее,

каждый из них, используя способы, невообразимые для менее развитых существ,

создавал собственные скрытые

анклавы в Улутатериуме, служившие
крепостями,
святилищами, дворцами наслаждений
или аренами в зависимости от
прихоти хозяев. Со
временем гордыня этих
«архитекторов» возросла настолько,
что они создали нечто,
пробившее стены между
реальностями. И когда все начало
рушиться, они сбежали в свои
анклавы, как крысы, прячущиеся по
норам. Со временем, испытывая все
большой страх
перед ужасным отпрыском, которого
они зачали все вместе, выжившие в
буре
приложили все усилия, чтобы
объединить свои владения. Они так
погрязли в пытках и
убийствах, что выбора больше не
оставалось. Они должны были сделать
это, чтобы
кормиться друг другом и всеми

остальными, кого только могли захватить.

Так рожден был вечный город».

-- агент Залинис Хуо, Еретикус Майорис.

На улице Ножей была полночь, когда Кхарбир заметил свою цель, движущуюся прямо

навстречу, на расстоянии чуть менее шести торговых лавок от него. Улица была темная

и извилистая, но практически пуста, и тощая фигура слуги Беллатониса выделялась,

бүгто в стоп-кадре, подсвеченная резким светом горнов. Да, Кхарбиру повезло, но он сам,

в первую очередь, правильно выбрал место охоты, и поэтому чувствовал себя крайне

самодовольно. Он оказался умнее остальных, и именно ему достанется обещанная

награда. Ожидая, он принял щепотку

агарина, поставовал очистительную
остроту в
ноздрях и насладился холодком,
пробежавшим по позвоночнику. О, это
будет весело.

Прошел слух, будто слуга
Беллатониса в спешке покинул
Красный Дом с посылкой, и,
что самое важное, один. Когда
Кхарбир об этом услышал, то
прикинул, что приспешник

гетункула решит срезать именно
здесь. Улица Ножей была довольно
безопасна на всем

своем протяжении, по крайней мере,
настолько безопасна, насколько это
вообще было

возможно в темном городе. Архонт
района Метзух не терпела досадных
происшествий,

которые могли бы навредить работе
ее оружейников и ремесленников.

Дабы подчеркнуть, что она не
потерпит подобных случаев на своей

территории, она

направила инкубов патрулировать
улицу Ножей, и одного их присутствия
было

достаточно, чтобы отпугнуть
большинство возмутителей
спокойствия. Возбуждение,

которое испытал Кхарбир, увидев
добычу, заставило руку рефлекторно
метнуться к

клинку, однако пара трачных,
закованных в броню инкубов уже
пристально

разглядывала его, как будто они
могли чувствовать скрытые
намерения. Тела

по-настоящему безрассудных молодых
задир -- тех, кто не понял намеков --
висали на

цепях с зубчатых карнизов оружейных
лавок. Их оставили там, будто
приданку для

геллионов, чтобы ясно дать понять
остальным -- в этой части города

следует пристирить
свои инстинкты.

Сознательным усилием Кхарбир
разжал пальцы на полированной
костяной рукояти и

спокойно повернулся, чтобы взглянуть
на жутко изогнутые гидраножи,
разложенные

напоказ, а слуга тем временем
пробежал мимо. Естественно, в такой
близости от двorca

архонта все-таки происходили
сражения, но только по делам такой
важности, которая на
несколько порядков превосходила
нынешнюю.

Кхарбиру удалось впервые как следует
рассмотреть слугу, когда тот
оказался рядом:

бледное, осунувшееся лицо, широко
раскрытые красные глаза, густые
брови,

контрастировавшие с лысой головой,
тяжелая челюсть и угрюмое

выражение лица, с

которым, похоже, он ходил постоянно.

Вполне подходящий вид для
прислужника

гетмэнула, жившего в висконсини и
допросами. Нахмуренное лицо
выражало

беспокойство и что-то вроде ослиного
упрямства выполнить свое задание.

Длинный полосатый плащ из темной
шкур с висал с узких плеч
прислужника, столь же

изящный, как частично облезшая
кожа. Оружия видно не было, но он так
яростно

сжимал посылку, словно боялся, что
она может в любой момент
попытаться удрать.

Кроме того, он бессвязно бормотал и
ужасно вонял эфиром и потрохами.
Определенно,

незаметно следовать за ним не
составит никаких проблем. Кхарбир
позволил злобному

злунцү пройти чүточкү дальше, а
затем с невинным видом побрел
следом.

Ксагор еще теснее прижал к груди
завернутый в кожу сосуд, полный
шишковидных

желез. Семеня по улице, он пытался
соблюсти некий баланс, одновременно
торопясь и

стараясь не привлекать к себе
лишнего внимания. Маловероятно,
что кто-то здесь

попытается украсть посылку, но
хозяин едва ли будет счастлив, если
Ксагор хотя бы

упустит ее из виду, не говоря уже о
том, что теряет. Те, кто вызывал
неудовольствие

хозяина, вскоре уже молили о смерти.
Ксагор это хорошо знал, так как сам
неоднократно

обслуживал их. В руках у настолько
опытного гетункула смерть всегда
заставляла себя

жгать. Нет, нести сосуд и без того было плохо, но то, что он услышал, забирая его в

Красном Доме, делало все гораздо, гораздо хуже.

Мастер Беллатонис всегда был жажен до новостей. Он подробнейшим образом

проинструктировал всех своих слуг о том, как важно доставлять ему каждый клочок

информации, догадок, молвы или сплетен, как только те коснутся их низменного слуха.

Хозяин зашел так далеко, что даже продемонстрировал изменения, которые претерпели

те слуги, что оказались слишком глупы или медлительны, чтобы выполнять это

простое, но первостепенное правило.

Да, мастер Беллатонис очень серьезно относился к новостям, и на долю Ксагора выпало

несчастье узнать такую вестъ,
которая могла изменить все.
Размыкание! Он крепче
стиснул горлышко сосуда,
представляя, как душит Матсильера
за то, что тот ему это
рассказал. Старухи предсказали, что
Размыкание наступит до конца года.
Этот игуот
настолько возомнил о себе, что ему
не терпелось поделиться секретом и
показать, какая
он важная птица. От этого все
становилось еще хуже. Кто знает,
скольким еще он это
рассказал, когда известия дойдут до
хозяина, или они уже дошли -- и он,
Ксагор, лучший
и самый преданный из всех
прислужников хозяина, вскоре начнет
выделять содержимое
из всех не предназначенных к этому
отверстий.
И вот теперь он бежал вниз по улице

Ножей, отчаянно пытаюсь понять, как
ему

оставить нежеланное знание и
невредимый сосуд с железами в
жилище хозяина, прежде

чем туда доберется кто-то еще.
Новость была немаленькая.

Размыкание нарушит

хрупкий мир, город скатится в
анахаю, все преграды начнут
сдвигаться, и целые ярусы

могут оказаться затоплены. Оно
может оказаться даже настолько
сильным, что погибнет

весь город. От такой перспективы
желудок тошнотворно скрутило. Все в
Комморе

знали, что живут на краю бездны, но
предпочитали это игнорировать
всегда

решительным образом. Смотреть же
фактам в лицо было довольно
неуютно.

Ксагор недолго мешал себя мыслью о

том, чтобы сбежать, исходя из предположения, что уже слишком поздно, однако он всегда гордился прагматичным взглядом на жизнь.

Единственная вещь, по поводу которой могли согласиться все переменившиеся нравом

комморские хозяева, это то, что беглецов следует наказывать особенно изощренно,

чтобы показать пример остальным. В обществе, которое проводило бесчисленные

тысячелетия, возводя причинение боли и мучений в ранг высокого искусства, это

означало вещи, куда более страшные, чем относительно мягкие приступы скабрезного

юмора, которыми страдал мастер Беллатонис. Ксагору пришлось с неохотой

согласиться, что такой подход был

эффективен.

Нет, правильно будет подчиниться
своему первому инстинктивному
желанию и

поспешить назад, чтобы встретить
последствия лицом к лицу. Если же он
опоздал, ну

что ж, хозяин иногда бывает почти...
снисходительным, когда дело
касается наказаний --

если он сочтет, что ты старался,
как мог. Возможно, хозяин даже
наградит его.

Оптимизм также являлся предметом
гордости Ксагора. К сожалению,
мысль о

Размыкании подвергала эту черту
нелегкому испытанию. Такие события
случались и

раньше, но не при жизни Ксагора, и
ему казалась чудовищной сама идея
того, что нечто

настолько постоянное, как город,
начнет меняться, ярусы станут

двигаться и

вращаться, будто в каком-то
огромном планетарии. Хозяин
наверняка знает, что
делать.

К несчастью, в шестидесяти шагах
впереди улица Ножей разветвлялась
на три

расходящихся в стороны закоулка. А
они, в свою очередь, быстро утонули в
лабиринте

ходов под рабскими фабриками, точно
ручьи, впадающие в болото.
Относительная

безопасность, обеспечиваемая
инкубаторами, здесь заканчивалась. Войти
в подземный

лабиринт в одиночку значило без слов
признать, что ты устал от жизни и
надеешься

вскоре от нее избавиться. Скрытые
тандраторы, которые там обитали,
прилежнейшим

образом взялись бы за эту работу,

добольствуясь скудной наградой в виде
предстертного
вопля.

Ничего не оставалось, кроме как
пройти Короткой Лестницей до
канала и рискнуть

добраться до Берилловых Врат. Если
повезет, на него просто не обратят
внимания, но

эпикүрейцы всегда были такими
непредсказуемыми...

Кхарбир крадучись двигался вслеп за
прислужником, не замечавшим его.
Скользя

сквозь тени, он чувствовал подъем
духа, от которого едва не кружилась
голова.

Приходилось бороться с желанием
броситься вперед и вознать клинок
между лопаток

ничего не подозревающего глупца.
Мертвецы покачивались над ним на
цепях и

одобряюще ухтылялись зияющими

татами. «Уди сюда, к нам, -- как будто
говорили они, --

мы тоже не справились со своей
страстью к убийствам. У нас всегда
есть место для
новичка».

Кхарбир сглотнул и попытался
сконцентрироваться. Инструкции,
которые он получил,

касались только посылки. Нет ничего
постыдного в том, чтобы проследить
за несущей ее

целью, наблюдая и подслушивая.
Беллатонисом интересовались
многие, и им хотелось

бы узнать, где ходят и что делают
его миньоны. Возможно, будет какая-
нибудь встреча

или обмен, о которой он потом
сможет доложить.

И все же какую-то часть Кхарбира
раздражало столь скучное задание.
Может быть, слуга

имеет при себе что-то важное, так

что убийство в любом случае
окупится. Или же можно
заставить его поведасть что-нибудь
полезное, прежде чем он умрет. К
сожалению, пытки,
которые Кхарбир мог бы учинить над
служой гетүнкүла в каком-нибудь
переулке, без
всякого сомнения вызовут у того лишь
стех -- но вот если его похитить...
Кхарбир настолько глубоко
погрузился в раздумья, что лишь через
мгновение осознал,
что слуга пропал из виду. Его
моментально захлестнула паника,
границающая с
иррациональным гневом. Дурак! Бей,
когда можешь -- никогда не медли!
Ксагор скачками понесся вниз по
изящным ступеням Короткой
Лестницы, будто козел
по горному склону, изо всех сил
прижатая к себе сосуд и перетахивая
через три ступени

за раз. За секунду до того, как он повернул сюда, у него возникло неприятное чувство,

что кто-то действительно следует за ним, и на сей раз это говорила не его хорошо

развитая паранойя. Лестница предоставляла неплохую возможность оторваться от

каких-либо хвостов, если только ему удастся не свернуть себе шею.

Короткая Лестница петляла между воротами, ведущими в городские ярусы Хи'кран и

Метзух, извиваясь причудливыми завитками из камня, металла и стекла, которые в

нескольких местах выдавались над гладкой, темной шелковой поверхностью Великого

Канала Метзух. От нее беспорядочно ответвлялись другие ступеньки, винтовые

лестницы и площадки, подчиняясь

собственной непостижимой логике.
Она называлась
Короткой Лестницей, так как
соединяла лишь два яруса, в то время
как Длинная
Лестница за владениями Хи'крана
пересекала полдюжины. Ксагор как-то
слышал байку,

будто Короткая Лестница образует
слово или сообщение, которое видно
издали, но,
похоже, никто не мог точно сказать,
что там написано.

Ксагору вскоре пришлось замедлить
шаг. Здесь было полно открытых
площадок, где

Короткая Лестница просто
обрывалась в воздухе, открывая
потрясающий вид на

Великий Канал и дрейфующие по
нему прогuloчные барки. Куда ближе
на канал могли

посмотреть те, кому не удалось
вовремя заметить эти внезапные

обрывы. Однако были

и свои плюсы -- народу здесь было больше, и это было именно то, что вчет он сейчас

нуждался. Он сбавил скорость, пробираясь среди них и пытаясь не думать, что случится

с Короткой Лестницей во время Размыкания, когда ярусы начнут двигаться.

Он оказался среди рабов и ценных слуг, таких как он сам, которые спешили по

поручениям своих хозяев или хозяек. Но были тут и высокородные, которые прогуливались по одному или в группах. То и дело пересекающиеся потоки рабов и слуг

обходили аристократов стороной, будто вода, обтекающая камни, старательно держась

на расстоянии, большем расстояния удара. Ксагор стенил направление, двинувшись к

двум крупным группам высокородных, которые поднимались по лестнице.

Наплевав на осторожность, Кхарбир побежал по улице Ножей, ища взглядом слугу

Беллатониса. К тому времени, как он добрался до ступеней, два инкуба смотрели на него

уже с явной заинтересованностью. Он ринулся на лестницу и тут же притормозил, с

презрением глядя на открывшиеся взору отвратительные толпы. Тощие полуголые рабы

бегали вверх и вниз, будто крысы.

Он видел прислужника, направляющегося к горстке воинов, отмеченных знаками Алой

Грани. Кхарбиру снова пришлось пуститься бегом, будучи в ярости оттого, что этот

глупый, не способный заметить погоню кусок отходов создает столько проблем. Ему

пришлось пережить пренеприятное унижение, когда он пробежал мимо каких-то

аристократов, и они обменялись едкими замечаниями у него за спиной. На их месте он

бы сделал то же самое, но позволить колкостям остаться без ответа -- это было почти

невыносимо. Кхарбир зарубил какого-то особо тупоумного раба, который недостаточно

быстро убрался с дороги, и почувствовал себя немного лучше. Отвратительное создание

гетункула утрет за это, будь оно слугой Беллатониса или нет. О последствиях он может

побеспокоиться позже.

Погле канала было темно -- настолько темно, что Ксагор пробрался по последнему

завитку лестницы практически наощупь, в ужасе от мысли, что стоит

ему оступить --

и он уронит сосуд. Ярко освещенные
прогулочные барки, скользящие мимо,
скорее

подчеркивали, чем рассеивали траг.

Великий Канал описывал широкую
плавную петлю через ярс Метзүх, с
одной стороны

отделенный преградой, с другой --
ограниченный дворцами архонта.
Предположительно,

канал некогда был заполнен чистым,
ароматным наркотическим маслом,
однако теперь

это была странная смесь снагобий,
отходов, хитикатов и выделений, не
поддающихся

классификации. Огун ее запах мог
навлечь мощнейшие галлюцинации,
а окунуться в

это вещество означало предаться
безумию или забвению.

Набережная канала уже давно стала
заповедной территорией высокородных

из Метзуха,

наиболее преданных гедонизму и чувственности и избравших их в качестве основного

развлечения -- эпикурейцев. Любопытный раб, достаточно глупый, чтобы спуститься сюда, в

мгновение ока стал бы объектом охоты, да и прислужникам тут лучше было не мешкать.

Шикарные притоны и залы плоти переполняли дно яруса и расползались по широким

плитам набережной -- точно так же, как их посетители. То там, то сям от берегов канала

отходили доки и пирсы, где стояли всевозможные вычурные транспортные средства.

Ксагор знал, что за изгибом канала, невидимый отсюда, есть узкий мост, который

пересекает преграду через Берилловые ворота. За ними

находились Вольеры

Маликсиана, которого некоторые именовали Безумным. Благородный архонт

Маликсиан был одним из наиболее почетных клиентов Беллатониса, в значительной

степени благодаря лабораторному комплексу, который архонт подарил гетункүлү. Это

был знак полного признания, учитывая, что в то же время многим гетункүлам

приходилось довольствоваться чердаками и подвалами, какие только удавалось

раздобыть, чтобы оборудовать там мастерскую. Но Вольерам можно было безопасно

добраться до самой Визжащей Башни, где Беллатонис на данный момент вел свои

работы.

Кхарбир остановился, давая проход

наре одетых в маски гуляк, прежде чем слезть по шпалерам вниз, в гостеприимную темноту набережной. Он погрузился еще глубже в тени, озираясь в поисках своей цели. Мрак подходил под его настроение. У него было

глубокое предчувствие, что он потерял след. Если слуга собирался с кем-то встретиться у канала, сейчас он может быть в любом салоне или притоне из доброй дюжины здесь

расположенных. Он мог даже сесть на барку и оказаться вне досягаемости — все равно,

как если бы отрастил крылья и упорхнул.

Взвешивая варианты, Кхарбир обдумал то незначительное, что ему было известно.

Прислужник покинул Красный Дом с тем, чего у него не было, когда он

пришел. Он

был один, и уходил в спешке. Последние два факта не очень сочетались с версией насчет

встречи. Он бы не торопился, если бы планировал что-то заранее, и Беллатонис едва ли

поручил бы слуге выполнять что-то важное в одиночку. Наверное, в Красном Доме

случилось нечто неожиданное, раз уж прислужник поспешил прочь, не дождавшись

сопровождения. Так куда же он в действительности собирался?

Кхарбир воспринял духом,

когда к нему пришло понимание.

Слуга бежал пряником к своему хозяину.

Ксагор прижал сосуд к себе и зашагал вперед, надеясь, что походка выглядела

целеустремленной. С каждым шагом от лагоней вверх по ручкам

поднимались острые

изгибы боли, но он только приветствовал их. Те, кто желает послужить боли, должны

сначала узнать, как переносить ее, а затем -- как возлюбить ее. Так сказал Беллатонис,

когда впервые пытал Ксагор. Некоторые думают, что гетүнкүл -- всего лишь учитель,

но те, кто наделен призванием, знают, что даже самый скромный из них может

возвыситься и стать чем-то гораздо большим.

На набережной царя почти полная тишина. Пронзительные завывания и вопли

доносились сверху, сильно приглушенные клубами сладковатого пара, поднимающегося

от канала. Ксагор уже проскользнул мимо двух устроивших гуэль высокородных и менее

формальной драки между двумя группами кутил, поспоривших из-за какого-то

реального или воображаемого оскорбления, но по стандартам района это считалось

затишьем. Вдали уже виднелся изогнутый высокой аркой мост к Берилловым воротам,

однако отдельные группы эпикурейцев постепенно сливались в сплошную толпу.

Впереди показалась какая-то потеха, которая, похоже, становилась все ближе. Виднелся

широкий металлический хребет, возвышавшийся даже над самыми рослыми

аристократами, и он уверенно прокладывал путь через толпу в направлении Ксагора.

Кхарбир осторожно пробрался по краю канала, старательно стешиваясь с толпой.

Всякий раз, когда он наблюдал за дерущимися эпикурейцами, он с трудом удерживался

от презрительной ухмылки при виде их ужимок. Споровки у них было столько же,

сколько у детишек на пятый год обучения -- показуха, рубливо без малейшего намека на

грацию. Он был уверен, что легко победит любого из них, и ему отчаянно хотелось

испытать свои силы, но времени на это не было. Ему надо было обратиться по мосту и

попасть в ворота. Небольшая подачка страже, и он узнает, прошел ли уже слуга -- и если

не прошел, тогда Кхарбур достаточно будет проскользнуть внутрь и найти место для засады.

Какая-то суетолока позади заставила его развернуться и застыть на месте.

На

набережную выплывала машина-убийца, ее украшенный драгоценностями нос двигался

туда-сюда, точно торгаш зверя, ищущего след. Эпикурейцы отступали с непогодбающей

спешкой, видя, как приближается чудовищный агрегат. Кхарбир задумался, послали ли

его выслеживать кого-то определенного или же он сорвался с привязи, чтобы устроить

резню по собственному соизволению. Эпикурейцы рассыпались в стороны, и только

одна фигура оставалась недвижимой. С изумлением Кхарбир узнал в ней свою цель,

прислужника гетункула, который просто стоял, сжатая посылку, и тянулся на

усеянную клинками машину стерти, которая плавно двигалась к нему.

Ксагор распознал изготовителя этого
шипастого жала еще до того, как
увидел

великолепную машину целиком. Это
был «Талос» ковена Тринадцати —
превосходный

агрегат, который четыре тысячи
лет назад построил легендарный
гемүнкүл Влокарион

для увеселения архонта Цирдиира
Ксана. Устройство с шелестом
двигалось вперед на

невидимых гравитаторах, очевидно,
выискивая нового клиента, чтобы
заточить в

филигранной костяной клетке.
Суставчатые руки, похожие на лапы
насекомого,

поднялись по бокам и злобно
изогнулись, демонстрируя набор
клинков, пил, крюков и

зондов. Большая часть аристократов
осторожно убралась с пути машины,
не желая

привлекать ее внимание, которое
теперь было занято прислужником.
Ксагор же просто
стоял, завороченный ее
блистательной красотой.

Та поплыла ближе, явно
заинтригованная его неподвижностью.
Теоретически «Талос»

был не более чем мобильной пыточной
машиной, не обладающей разумом. Его
сознание,

его анима целиком исходила от
клиента, которого он принимал в себя
и содержал в

состоянии вечной агонии. Это был
полный симбиоз: «Талос» приобретал
чувства и

личность узника, тот же получал
желание и возможность делиться
своим страданием с

теми, кого выбирал «Талос». Ксагор
увидел, что нынешний клиент близок к
концу

путешествия, и задумался, как долго

тот находился в плену. Сделанный на совесть

«Талос» работал так же искусно, как хирург. Машины же, построенные Блокарионом,

как говорили, могли сохранять узникам жизнь на протяжении веков.

Также, по слухам,

за тысячелетия, прошедшие после кончины их создателя, они приобрели что-то вроде

странного собственного сознания.

Теперь машина парила прямо перед ним и как будто рассматривала его мерцающими

сенсорами. Узник, итевший довольной жалкий вид, задвигался в клетке и слабо

захныкал. Не задумываясь, Ксагор медленно отнял одну руку от сосуда, чтобы

протянуть ее вперед и погладить изогнутый металлический нос машины. Из пах на

блестящей шкуре «Талоса» частично
выскользнули орудия и неуверенно
вернулись на

место, когда рука приблизилась.

Кхарбир проскользнул дальше, в гущу
толпы. Убравшись на безопасное
расстояние,

зрители принялись расталкивать
друг друга, стремясь посмотреть, как
пыточная

машина примется за работу. К их
несомненному разочарованию, но к
облегчению

Кхарбира, устройство пока не
принялось рвать этого мелкого
идиота на мелкие кусочки.

Когда машина, наконец, раскачается,
он потеряет и цель, и посылку. Сейчас
«Талос» как

будто удивлялся тому, что у кого-то
хватает безрассудства стоять прямо
перед ним,

когда он на охоте, но это вряд ли
продлится еще немного.

Он тайком нащупал под поясом
флакон, содержащий фейрун.
Облазанный фейруном
клинок заставлял даже неглубокие
порезы источать терзающую нервы
боль, от которой
отравленный внагал во
всеобъемлющий ужас. Обычно он
использовал яд на тех, кто уже
был обездвижен, потому что жертвы,
как правило, пускались прочь, будто за
нити
мчались гончие ага.
Удача не оставила его -- несколько
капель фейруна еще оставалось.
Быстрым,
отточенным движением Кхарбир
щедро нанес яд на клинок, озираясь в
поисках
подходящей жертвы. Неподалеку
стояла молодая с виду женщина,
украшенная
пирсингом, татуированная и
обнаженная до пояса. Кхарбир

Неспешно прошел мимо и

быстро резанул по незащищенным ребрам, даже не сбив походку. Только в тот момент он

понял, что эффект фейрүна могут полностью изменить всевозможные стесни, уже

находящиеся в крови эпикүрейки.

Он услышал резкий вдох и негромкий крик, растворяясь в толпе, но это не был тот

воплъ, на который он возложил надежды отвлечь пыточнүю машинү. Но тут толпа

брызнула в стороны -- машина поднялась выше и ринулась вперед за убегающей

девушкой. Его цель так и осталась стоять, тупо глядя, как улетает «Талос». Кхарбир

решил впредь не спускать с глүнца глаз -- кто знает, какие еще он найдет способы

убиться, пока Кхарбир собирается

прикончить его в Вольерах?

Ксагор с сожалением смотрел
«Талосу» вслеп. Для почитателя боли
-- такого, как он --

было невероятной честью
подвергнуться пытке подобным
устройством. Печально, но с
точки зрения «Талоса» именно это и
сделало Ксагора совершенно
неподходящим узником.

Перебравшись через изогнутый мост
и направившись к Берилловым
воротам и

безопасности, ждущей за ними, Ксагор
понял - что-то идет не так. В такой
близости от ворот

уже ясно виднелась презрада,
разделяющая Метзух и Вольеры --
клубящаяся, прозрачная

стена болезненных цветов,
изгибающаяся во всех направлениях.
За ней можно было

разглядеть высокие решетчатые
ники крупнейших Вольеров, презрада

делала их

неясными, как будто они находились
под водой. Ксагор pokrutil сосуд
между ноющими

лагоднями и пошел дальше. Он был уже
совсем близок и должен был
продолжать путь;

единственный альтернативный
маршрут к башне хозяина не стоило
даже

рассматривать.

Дорога выглядела на редкость пустой,
и это вселяло беспокойство. Подойдя
еще ближе к

воротам, он понял, что все, кто
находится впереди, разворачиваются
назад, и какая-то

часть его сознания начала отчаянно
паниковать. После ворот стояла
группа воинов

архонта Маликсиана в полном боевом
облачении и, насколько мог сказать
Ксагор, не

пропускала никого. Он собрался было

спросить кого-нибудь из недопущенных, что

происходит, но решил, это будет выглядеть подозрительно и рассердит воинов.

Последователи Маликсиана часто разделяли неприязнь архонта к тому, что большая

часть котморритов обычно называла «здравомыслием».

Облизнув губы, Ксагор приблизился к воинам. Они не навели на него дула своих

зубчатых осколочных винтовок, и это был хороший знак. Правда, с пути они тоже не

сдвинулись, и это было не очень хорошо. Он почтительно остановился на расстоянии

нескольких шагов от них.

-- Я... -- только и успел произнести Ксагор, когда один из воинов лаконично оборвал его.

-- Проход закрыт.

-- Я по заданию хозяина, очень срочно,
-- залебезил Ксагор с неприятным
ощущением, что

вручает свою жизнь в руки воина.

-- Проход. Закрыт.

Сквозь глухой шлем невозможно было
прочитать выражение лица солдата, но
при этом он

поднял руку и изобразил пальцами
галочку, подчеркивая значимость
слов. Другие

воины, постеиваясь, нацелили на
Ксагора осколковые винтовки.

-- Я служу мастеру Беллатонису! --
поскныл тот.

-- Так это ведь совершенно другое
дело! Входите, конечно же, -- ответил
воин с

обезоруживающей любезностью. Он
отступил в сторону, зубчатые пасти
винтовок

опустились. Ксагор почувал ловушку.

-- Могу ли я поинтересоваться, что
происходит, почему вы не пускаете

всех остальных? --

спросил Ксагор со всей вежливостью, на какую был способен. Совсем недавно архонт

Маликсиан и хозяин были не разлей вода, и он надеялся, что ничего пока не

изменилось.

-- Можете, разумеется, и если спросите, то я скажу, что вам не хотелось бы сейчас

находиться в Вольерах.

-- О нет.

-- О да.

-- Все идет прямо сейчас? Все только началось или, быть может, уже подходит к концу? --

Ксагор ухватился за соломинку надежды -- вдруг ему повезет, и они предоставят сопровождение.

-- Это исключено. Если на то пошло, то крови намечается много, и сейчас она должна уже

литься по полной.

-- Но мне нужно как можно быстрее
добраться до башни хозяина! Уверая,
он вас

вознаградит!

-- Это. Исключено, -- воин снова
изобразил галочку и глубокомысленно
добавил. -- Если

уж вы так высоко оцениваете свои
шансы пробраться через Вольеры
пешком, то,

полагаю, Авиатрисе только в радость
свежее мясо.

«Берилловые ворота» -- очень
неподходящее название, подумал
Кхарбир. На фоне тонн

серебристого металла,
использованного при их
строительстве, переключенные и

покрытые орнаментом колонны, в
честь которых были названы ворота,
совершенно

терялись. Кхарбир приотстал, пока
слуга разговаривал со стражниками у

ворот. В конце

концов, они пропустили его, хоть тот, судя по виду, пошел с неохотой.

Через несколько

секунд и сам Кхарбир направился к воинам. Он взвесил свои шансы на случай, если дело

дойдет до драки. У них винтовки, и это сыграет против них в ближнем бою, но этого,

скорее всего, не хватит, чтобы компенсировать преимущество в численности и защите.

-- Проход закрыт.

Встретившись с новой проблемой, воины, казалось, вели себя настороженно. Может,

прислужник сказал им что-то, что вызвало подозрения? Сообщил, что за ним гонятся?

Кхарбир внезапно почувствовал себя, как раб, обездвиженный перед исследованием. Он

решил брать напором.

-- С дороги, у меня важные дела в Вольерах, -- заявил он.

Воины посмотрели друг на друга, наизбранно удивляясь его дерзости.

Один из них

спросил:

-- С кем?

В голове Кхарбира замесались варианты ответа. Он остановился на самой простой лжи.

-- Я по поручению гетункула Беллатониса, он нанял меня защищать своего прислужника.

Услышав это, воины обменялись какими-то едва уловимыми жестами, но Кхарбир не

понял, что это значило. Они отошли в сторону, и один из них пригласил его пройти в

ворота с издевательским поклоном.

-- Тогда входите. Я уверен, вы вскоре к нам присоединитесь, -- тон воина намекал на то,

что их ожидала некая неотвратимая
и фатальная встреча. Кхарбир
скорчил кислую

лину. Видимо, шла охота.

Ксагор, грожа, прятался за кустом и
прислушивался к ужасным крикам,
что

разносились между поднимавшихся со
всех сторон шпилей Вольеров.
Несколько

мгновений спустя он увидел силуэты
пары геллионов, рассекавших воздух
высоко над

головой. Да, шла охота, и, судя по
звукат, весьма оживленная.

Страсть архонта Маликсиана к
летающим тварям всякого рода вошла
в легенды, и он

считал нужным время от времени
потренировать своих питомцев. На
земли Вольеров

выпускали несколько десятков рабов и
позволяли им разбежаться, а затем
открывали

клетки, выпуская из них клыкастую,
когтистую и ядовитую смерть во
множестве

крылатых обличий. Кабал архонта
пускался в полет вместе со своим
повелителем,

чтобы насладиться болью и ужасом
гибнущих рабов, ставших жертвами
охоты. Они

также расправлялись с любой
добычей, которая обманывала себя
надеждой спрятаться,

или кто от безысходности давал
отпор.

Ксагор метнулся в другой темный
угол, который находился ближе к
цели. Он пытался

перемещаться короткими
перебежками. Открытое

пространство вызывало у него мысли
о том, что он -- то самое вкусное
лакомство, за которым идет охота,
да и руки уже

начинали уставать от тяжелого

сосуда. Переводя дух, он начал тревожиться, как бы ему не наткнуться на выпущенных рабов. Они тоже будут искать самые темные уголки, где можно спрятаться, а архонт Маликсиан предпочитал использовать здоровых особей, чтобы его питомцы как следует потренировались. Нечеловеческий вопль прорезал темноту -- ближе, чем все крики, что он слышал до этого. Однако Ксагора больше забеспокоил какой-то шорох, донесшийся из кустов неподалеку. Несколько отчаявшихся рабов обычно не стоили беспокойства, но в данных обстоятельствах прислужник был очень уязвим. Он не мог защищаться, будучи обременен сосудом, а шум драки мог привлечь внимание куда более опасных врагов в

небесах. Кабалиты Маликсиана, в
которых сейчас ключом бьет жажда
крови, вряд ли

узнают одинокого слугу Беллатониса,
что уж говорить о зверях.

Ксагор собирался двинуться дальше,
как вдруг раздалось хлопание
кожистых крыльев,

заставившее его затереть на месте.
Полдюжины хищников со
стреловидными головами

по спирали плавно поднимались из-за
огромной, как дом, клетки с левой
стороны. За

ними скользнул глинный темный
силуэт рейдерского корабля, на
котором можно было

легко разглядеть экипаж, свесившийся
с открытых бортов и остатривающий
землю.

Кхарбир невольно вспомел. Всякий
раз, когда он уже готов был
выпрыгнуть из укрытия

и застать прислужника врасплох,

проклятый злунец сбегал прямо по
носом. Снова

возникла идея взять слугу в плен, но
она казалась ему все хуже и хуже.

Если все так

пойдет дальше, то цель просто еще
раз выскользнет меж пальцев, и за все
свои старания

он не получит ровным счетом ничего.
И это еще учитывая, что им обоим
удастся не

попасться на глаза зверушкам и
приятелям Маликсуана.

Ответ дал отдаленный треск
оружейного огня. Хотя клинок всегда
приносил большее

удовлетворение, у Кхарбира имелся
при себе глинный, элегантный
осколковый

пистолет. Он пристрелит слугу и
быстро обыщет тело. Посылка,
которую тот тащил,

могла хоть как-то окунуть все
унижения, которые Кхарбир

претерпел в ходе погони. А

если и нет, то, по крайней мере, мстительность будет свершена и он выберется отсюда, сохранив

хотя бы часть достоинства.

Он вытащил пистолет и прицелился в прислужника. При таком расстоянии и в

полутраке выстрел будет не из легких. Слуга внезапно замер — нарисовался «Рейдер», и

Кхарбир выругался про себя. Экипаж наверняка заметит вспышку выстрела. Все, кто

находился на уровне земли, были их добычей, а добыча, вооруженная пистолетом, могла

запросто привлечь сюда весь кабал. С долгим страдальческим вздохом он взял в другую

руку нож и начал подкрадываться поближе.

С резким свистом стая хищников рванулась вниз. «Рейдер» встретился

за нити и вновь

исчез из виду, скрытый клетками. За решетками засверкали вспышки, и тут спустя до

Ксагора донесся отдаленный треск осколкового огня. Кажется, кто-то взялся за дело.

Он чуть из кожи не выпрыгнул, когда в клетку прямо позади него угодил выстрел.

Слуга крутанулся на месте, от удивления едва не выронив сосуд. Не далее чем в

тридцати шагах стояла фигура в темном плаще, целясь из чего-то блестящего. Ксагор

побежал, спасая свою жизнь.

Пистолет протрещал еще дважды, и тут с визгом пролетел осколок -- достаточно близко,

чтобы ощутить, как он проходит рядом. Ксагор нырнул за угол для защиты от

нападающего, и в отчаянии огляделся.

Он заметил низкий мостик между
двух

гигантскими клетками и побежал
под него, в спасительные тени.

Ксагор пытался смотреть во все
стороны сразу, поэтому и споткнулся
о тело в устье

тоннеля. Сосуд вылетел из рук, брызнул
стеклянный маслос, и покатился в
темноту.

Отчаянный крик Ксагора перешел в
воплъ ужаса, когда вокруг поднялись
когтистые

силуэты и потянулись к нему из
тени. Последней его мыслью было
удивление --

тандрогоры оказались достаточно
храбры, чтобы самим охотиться в
Вольерах

Маликсиана Безумного.

Кхарбир открыл огонь почти
рефлекторно, едва слышав стрельбу
неподалеку, но

сказал себе, что стрельба навскидку

была оправдана тем, что ее
заглушили чужие
выстрелы. Какие-то темные силы
будто сговорились против него -- он
промазал, не
достав цель, и вместо этого только
выдал свое местонахождение.
Прислужник тупо
вытаращился и со всех ног побежал
прочь. Кхарбир тщательно
прицелился -- и в тот
самый момент, как он нажал на спуск,
в него что-то врезалось сзади.
От удара он растянулся на земле, но
благодаря опыту, наработанному в
течение всей
жизни, тут же сжался в клубок и
вскочил за одно биение сердца. Он
скорое почувствовал,
чем увидел, что некто в темноте
затачивается снова. Нырнув под руку,
Кхарбир
выстрелил в едва различимый силуэт
перед собой. Враг изумленно хрюкнул

и

повалился, брызгая горячей кровью.

Тогда на Кхарбира набросился еще один противник. Он понял, что это были рабы,

голые, вооруженные только теми грубым оружием, какое смогли найти.

Внутри вскипело

презрение, и он вспыхнул от ярости при мысли, что эти существа имели дерзость

напасть на него. Он распорол второму рабу руку от запястья до локтя, и под воздействием фейруна уродливое существо взвыло, будто конечность окунули в

расплавленный металл. Кхарбир хладнокровно подсек рабу ноги, прежде чем тот успел

побежать прочь.

Мучения раба были слишком вкусны, и Кхарбир на миг затеделся, чтобы воздать им

должное. Лицо твари фантастически

исказилось, и душа, чуть грожа, с
трудоу покинула
тело. Кхарбир жадно выпил ее досуха
и забылся, позволив боли на несколько
драгоценных секунд затмить тоску.
Успокоившись, Кхарбир остотрелся,
но не заметил ни следов своей цели,
ни

приближающихся охотников
Маликсиана. Он поспешил к углу, за
которым исчез

прислужник. Осторожно глянув туда,
он не увидел ничего, кроме очевидно
пустой

лужайки между нескольких громадных
клеток. Затем Кхарбир разглядел
темное

отверстие туннеля между двумя из
них -- именно то место, куда мог бы
направиться

удирающий шум.

Еще не дойдя до теней, он учуял
кровь, отчего тут же заметлился и
сдвинулся вперед с

большей осторожностью. В туннеле
двигались какие-то темные
очертания -- нечто, что

выглядело, как черные силуэты на
фоне мрака -- тандрагоры. Одно
существо

склонилось над тем, что, без
сомнения, было телом слуги
земүнкүла; позади притаилось

еще больше таких тварей, и они
увидели Кхарбира в тот же миг, как
он посмотрел на

них. Он нацелил пистолет и немедленно
открыл огонь. Не говоря о том, что
тандрагоры

украли его добычу, они бы наверняка
попытались захватить и самого
Кхарбира на

десерт.

Выстрелы ушли во мрак, не встретив
ничего материального. Однако они
заставили

одного из тандрагоров выйти на
открытое пространство, чтобы

бросить ему вызов.

Вперед выступила гыпча́тая, почти невидимая фигу́ра, чьи очертания как будто

мерцали, а облик постоянно менялся. Кхарбир кинулся на эту тварь с занесенным для

удара клинком. Если он ее одолеет, то остальные могут убраться подальше от добычи,

тогда он, по крайней мере, сможет отыскать тело слуги и забрать посылку.

Он мог бы с тем же успехом сражаться с гытом. Каждый удар, который он наносил,

заканчивался тем, что противник просто оказывался в другом месте. Атаки самого

тандрагора как будто приходили из ниоткуда, и всех навыков Кхарбира едва хватало,

чтобы отражать удары. При этом у него было неприятное ощущение, как

бүгтө с нил

израли -- чүвство не из сатых
приятных. Он понял, что тандрагор
постепенно оттесняет

его к үстью тоннеля, ведет туга, где
в засаде ждүт сородичи.

Их поединок внезапно прервал
пронзительный вопль, и Кхарбир спас
себе жизнь,

моментально бросившись в сторону.
Бритвенно-острые лезвия пронесли
рядом на

расстоянии меньше лагони, и тимо с
воем пролетел геллион. Кхарбир
перекатом үшел

от второго геллиона, который
спикировал на него и попытался
зацепить крючковой

глефой. В отчаянии он выпалил в
противника залп осколков, так что
от брони геллиона

полетели искры. Один из крошечных
снарядов нашел слабое место и пробил
госпех.

Геллиона отбросило назад, скайборг
врезался в землю на расстоянии
нескольких

широких шагов. Отчаянным прыжком
Кхарбир подобрался к нему.
Мандрагор уже

исчез, но первый геллион закладывал
вираж назад, чтобы атаковать снова.
Остальной

кабал Маликсиана, по-видимому,
ненатного от него отставал.

Кхарбир закрепил ступни в
фиксаторах скайборга и вознесся в
воздух с воплем

душевной муки на губах. Все пошло не
так, все было потеряно, оставалось
только

надеяться, что он сможет сбежать
живым. Но крайней мере, никчемный
прислужник

сдох. Он мог хоть этим себя
утешить.

Мандрагор склонился над грудью
Ксагора, положив острый, как бритва,

коготь тому на

горло. Слуге отчаянно хотелось
сглотнуть, но он боялся это сделать.

Вокруг, в темноте,

двигались тени -- и внезапно
мангдрагор повалился прямо на него.

Ксагор был слишком

изумлен, чтобы отреагировать, не в
состоянии поверить, что мангдрагоры
собрались

прямо здесь учинить над ним
насилие. Мгновением позже раздался
треск осколочных

выстрелов, что ступило его еще
больше. Все, что он мог сделать, это
закрыть глаза. До

слуха донеслись новые выстрелы и
звон клинков.

Кажется, прошло немало времени,
когда, наконец, тяжесть на груди
исчезла, не

причинив какого-либо вреда. Ксагор
осторожно открыл глаза. Неподалеку
на корточках

сидел тандрагор и глядел на него.
Призывая к молчанию, существо
приложило глинный

палец туда, где у него должны были
быть губы, и показало в устье
тоннеля. Ксагор

вытянул шею, чтобы посмотреть, и в
сердце непрошеным гостем взыграла
надежда. Там

был силуэт в плаще, тот самый, кто
преследовал его по городу, он удира
на краденот

скайборге. Воздух переполнял тонкий
вибрирующий антигравитационных машин:
кабал

Маликсиана пустился в погоню.
Ксагор был спасен.

Ули нет? Конечно, тандрагоры могли
подумать, что это только что
сбежал

телохранитель Ксагора, оставив его
на их ласковое попечение. Они могли
просто

издеваться над ним в своей странной

толчаливой танере. Он оглянулся на
тандрагора,
ища подсказки, но лицо цвета тени
было непроницаемо. Появился второй
тандрагор,
как будто сгустившись из темноты.
Он что-то держал в вытянутой вперед
руке, и Ксагор
невольно напрягся. С изумлением он
осознал, что существо протягивает
ему тот самый
сосуд.

Визжащая Башня никогда не казалась
столь желанным убежищем. Ксагор
вошел внутрь
так тихо, как только мог, чтобы не
потревожить хозяина -- такой
проступок был чреват
небольшим риском. Высокая, тощая
фигура Беллатониса согнулась над
какими-то
консолями, из которых обильным
потокот изливались провода,
подсоединенные к трем

субъектам, прикованным к рамам для
изучения. Беллатонис выпрямился и
надавил на

кнопку. Все трое одновременно
разразились модулированными
воплями боли.

-- Что ты мне принес, Ксагор?
Материалы из Красного Дома, я
полагаю? -- сказал

Беллатонис, не оборачиваясь.

Он застал Ксагора врасплох, и тот
немного испугался. Хозяин любил
разные

модификации и недавно
имплантировал себе в лопатки
дополнительные глаза с

полностью функционирующими
зрительными нервами. «Так лучше
наблюдать за

соперниками», -- сказал он. Удея того,
что хозяин мог смотреть на него,
даже

повернувшись спиной, отчего-то
глубоко тревожила Ксагора.

-- У меня тут сосуд из Красного Дома, хозяин, -- сообщил Ксагор, -- но еще я принес

новость чрезвычайной важности.

Это, определенно, привлекло внимание мастера. Он повернулся, демонстрируя Ксагору

крючковатый нос и острый подбородок, и тот почувствовал себя так, словно вернулся в

Вольеры, где на него смотрели, как на лакомство для какого-нибудь питомца

Маликсиана.

-- Мне судить о ее важности, Ксагор, и если она действительно важна, то лучше бы тебе

было не медлить по дороге обратно, -- тон Беллатониса был шутливым, но жестокий

огонек в глазах говорил нечто иное.

-- Размыкание, хозяин. Матсильер в Красном Доме болтает со всеми клиентами, он

сказал мне, что старухи предсказали
Размыкание, которое наступит в
городе. Скоро! --

поспешно договорил Ксагор.

-- Размыкание, гм? О, как интересно.
Эти прелестные старушки прочли
судьбы и

увидели, что нашей маленькой
обители проклятых пришло время
встряхнуться. Должно

быть, уже по всему городу разошлось, --
последнее прозвучало довольно резко;
Ксагор

подумал, многое ли уже известно
Беллатонису.

-- Я сразу отправился обратно, хозяин!
Я даже не дождался охраны. Меня
преследовали,

там был «Талос» и о-охота... -- ушам
Ксагора, которым вскоре предстояла
модификация,

это казалось чередой все более
нелепых извинений.

-- Да, да, -- Беллатонис только

отмахнулся. -- Но сейчас ты здесь, так что, полагаю,

мандрагоры, которых я послал тебя искать, сделали свое дело.

Ксагор вытаращился в изумлении. Он никогда не слышал, чтоб хозяин говорил о том,

что на него работали мандрагоры. Беллатонис элегантным движением взял сосуд из

онемевших рук прислужника.

-- Не надо так удивляться. Я знал, что в Вольерах шла охота, и что ты, скорее всего,

пошел бы через них, отчаянно желая поведать мне эту «новость».

-- Вы уже знали, хозяин? -- на Ксагора обрушилась давящая тяжесть, а Беллатонис все

медлил, растягивая момент. Темүнкүл наконец ответил, легеняще улыбнувшись.

-- Лишь подозревал, мой верный слуга. Некоторые фракции занялись

приготовлениями,

и было весьма вероятно, что ты что-то об этом узнаешь в Красном Доме.

Хорошая

работа; это очень важная новость.

Размыкание до неузнаваемости изменит все старые

союзы и соперничества -- что давно пора было сделать. Я изрядно пожил, и видел только

три таких события -- и все они приводили к очень интересным временам, потяни мое

слово, -- продолжал Беллатонис, распечатывая сосуд. -- Да, Ксагор, ты хорошо поработал,

так своевременно доставив мне эти известия. Я полагаю, что ты заслужил награду.

Возможно, добавочную шишковидную железу?

Беллатонис запустил глиннопальную руку в сосуд, но то, что он оттуда вытащил,

показалось Ксагору подозрительно
похожим на мокрую съездившуюся
голову. Гемункул

поднял ее за змеенодобные черные
локоны и, цокнув языком, протер лицо
существа от
слизи.

-- Хозяин, я не понимаю.

-- Позвольте представить вас груг
гругу. Ксагор, это Анжевер, Анжевер,
это Ксагор.

Беллатонис поднял голову,
демонстрируя ее Ксагору. Лицо было
съездившееся и

морщинистое. Глаза и губы зашиты
грубыми швами, но Ксагор видел, что
они все еще

двигаются, и лицо искажается.

-- Старуха Анжевер, -- проговорил
Беллатонис, подсоединяя голову к
одной из консолей,

за которыми он работал, когда
пришел Ксагор. -- Теперь иди-ка сюда.
Когда я кивну,

повернешь этот диск на пол-оборота
направо, а потом обратно.

Сердце Ксагора наполнилось
гордостью. Его попросили
ассистировать! Только он и

хозяин, они работают вместе, как
старые друзья. Другие слуги просто
пылают бешеным от

зависти. Беллатонис вонзил
последнюю иглу в обрубок шеи
Анжевер и кивнул

Ксагору, который азартно крутанул
диск. Из трех глотков снова вырвался
тройной

воплъ -- на сей раз занятым образом
стесавшийся, как будто они кричали
на один

голос. Когда Ксагор вернул диск в
первоначальное положение, они,
наконец, заговорили.

-- Что ты сделал со мной? -- сказали
они хором.

-- Сделал тебя своей гостьей, терзкое
старое чудовище, -- хохотнул

Беллатонис, излучая

удовлетворение. -- Будешь гостить
все Размыкание, по меньшей мере, а
может и дольше,

если будешь плохо себя вести. Мы
может чудесно скоротать время с
этими тремя

свежими субъектами, к которым я
тебя подключил.

Кивок Беллатониса был почти
незаметен, но Ксагор буквально
впитывал в себя каждый

момент и уловил жест. Он
старательно крутанул диск и был
вознагражден еще одним

хоровым воплем и легкой улыбкой
хозяина.

-- Что тебе нужно? -- просипели три
голоса.

-- А, верный вопрос -- нет ничего
ценнее в какой бы то ни было
дискуссии. В свое время

мы поговорим о будущем и о том, что
ты знаешь о нем, Анжевер.

-- Будут последствия, -- сказали
голоса.

-- Отчаянные времена -- отчаянные
меры, ведьма. И если я прав, они скоро
ничего не

будут значить, -- ответил
Беллатонис тоном, который давал
понять, что разговор
окончен. Он повернулся к прислужнику
с лицом, выражавшим совершенно
искреннюю
озабоченность.

-- Бедный Ксагор, ты выглядишь
усталым. Там в вестибюле тебя ждет
один паренек,

пригласи его зайти, а потом
отправляйся прямо в свои покои. Тебе
надо отдохнуть --

скоро у нас появится очень много дел.

-- Они оторвали мне лицо! -- закричал
молодой мужчина.

-- Ах, оторвали? Вот так-так. Я
должен на это взглянуть, -- сказал
Беллатонис. --

Присаживайся.

-- Проклятье, ты обязан все исправить! Я занимался твоим делом, и требую хоть

какой-то компенсации за весь этот фарс.

-- Разумеется, это ранение значит, что птицы оказались умнее тебя, так ведь? -- заметил

Беллатонис, вынимая из кюветы нечто глинное и острое. -- А твоим делом, если не

изменяет память, было получение посылки, которая добралась сюда не без твоей

драгоценной помощи -- ну и «Талоса», разумеется.

-- Я...

-- Притихни, Кхарбир, и давай-ка посмотрим, что мы можем сделать с твоим лицом.

...